

Поэты России

Анатолию Аврутину

Мы—скитальцы, мы возле небес, мы такие...
Нас по тёмным трущобам, по свету несёт.
Мы—усталая жизнь, мы—загадка России,
Но мы всё-таки те, кто Россию спасёт.

О бесстрашии помним, о времени помним,
Мы себя из себя каждый день достаём,
Святорусскую отчину музыкой полным—
Ту, которую в звонких стихах создаём.

Мы стоически держим земное пространство,
Замирая порой над погибелью дней.
Мы—российская мысль, мы её постоянство,
И она не исчезнет, поскольку мы в ней

Вечной сутью и русской судьбою пребудем,
Неотступно идём по священной земле.
И в бою, и в скитаньях её не забудем
И не сможем предать в наступающей мгле...

Ах, между нами километры,
Но ты на дали не смотри,
Спеши ко мне по зову ветра,
По зову счастья говори.

В огне любви горит окрестность,
В любви—такая круговерть,
Что нас с тобой бросает в бездну
Любовь, похожая на смерть.

Любовь кружится неотступно,
Как птица феникс, надо мной,
И ты—сиятельна, доступна,
Со всей своею красотой.

Ты—молния, ты жечь горазда,
А я—живой громоотвод.
Твоей любви горячий раструб
Воспламеняет небосвод.

На небесах дорога мглится,
Не гасят ангелы костров.
Слиянье наше долго длится
Среди мерцающих миров.

Боль

Ты где-то реяла в ночи,
В глубинах рая или ада,
И мне кричала: «Не молчи!»
А я молчал и в бездну падал.

Твердела ночь и жизни соль,
Во мне звенел твой дерзкий голос.
Я ощущал такую боль,
Как будто сердце расколосось.

Казалось, что не унести
Мне тяжкой боли.

Жизнь пропала.

И вдруг откуда-то: «Прости!»—
Сверкнуло и у ног упало.

Я еле двигался в ночи,
Боль из души не уходила.
Ты мне шептала: «Не молчи!»
Ведь я тебя всегда любила».

Заря разлилась из горсти
Живых небес. Ушла тревога.
Услышал я твоё «Прости...»
И счастье вымолил у Бога.

Байкал

И развернулся, расточил Байкал
Свои немислимые воды.
В нём столько глуби, донных скал
И столько ветреной свободы.

В нём кочевали облака,
Из века в век свой дом искали
И застревали на века,
Чтоб белой пеной стать в Байкале.

Бессмертные роились сны,
Шли волны, будто бы на дыбу,
И когти молнии-блесны
Кромсали тучу, словно рыбу.

И, несмотря на битвы гроз,
В Байкале нежились бакланы,
И волн целебный купорос
Залечивал у тучи раны.

Змея

Подарю свою рубашку изо льна, из сна живого,
Что соткал на диком поле, провалившись в колее,
Ниоткуда возвестившей — о себе! — во мгле лиловой,
Очень странной, очень дерзкой, изумительной змее.

Подарю себя однажды, как живительную кожу,
Извивающейся, гибкой и талантливой змее,
Чтоб струилась, становилась на меня во всём похожей
И, обвив меня собою, оставалась в забвенье.

От меня не уползала, не двоилась, не кусала,
Позабыла про кресало, зависала в темноте
И меня бы не бросала, ну а я — Дерсу Узала, —
Её кожей став навеки, поселился б на хвосте.

Пусть не рыба-кит змеюка, но с ней можно жить и ладить.
Ведь змея с моею кожей — это кто же? Это я?!
Я с собой хочу ужиться и змею — любить и гладить,
Подарю её себе я: здравствуй, юная змея!

Вергилий

Что возле ада нам скажет сегодня Вергилий,
Ставший для Данте — прославленным поводырем?
Мы с ним соратники, адовы слуги, враги ли?
Данте в аду, а кого мы ещё подберём?

Ждут нас Горгона, и Цербер, и фурий преграда,
В коих таится последнего вздоха цена.
Данте и девять кругов злополучного ада,
Круг замыкался, и падала в бездну стена.

Помнил Вергилий все камни и все закоулки,
Где проходил неземной, неизведанный путь,
Но всякий раз запинался в безвременье гулком,
Мыслил обратно в пустынную брешь повернуть.

Стану Вергилием жизни, а кто станет Данте?
Как страстотерпца, подобного Данте, найду?
Где же мне взять эту бездну ума и таланта,
Чтобы Вергилием быть в современном аду?

Я вижу неподвижные деревья,
Они смогли во сне захолонуть.
Весь в грёзах лес за спящею деревней,
Туда ведёт мой заповедный путь.

Слетают с неба хлопьями вороны,
Немеет дней осенних череда.
Пустеют лица, и пусты перроны,
С пустых небес свисают холода.

Уже цветы упали в день вчерашний,
Пожухли травы, обмелела даль.
И сумерки бегут по чёрным пашням,
Как поздняя осенняя печаль.

Прозреваю ночь десятым зреньем
И в ночи тебя боготворю.
По какому щучьему веленью
Превратилась ночью ты в зарю?

Ты себя во тьме не различала,
Я тебя во тьме не проглядел.
То ли это космос величавый,
То ли я тобою овладел.

Выйду с головою неприкрытой
Из обычных рамок бытия.
В космосе, Медведицей разрытом,
Оказались вместе — ты и я.

Ты мне нужней день ото дня,
Когда в тиши, когда в полёте.
Ты выростала из меня,
Из сердца моего, из плоти.

Ты выбегала, как ручей,
Навстречу мне весной гремячей.
Нас посреди тревог, ночей
Соединил безумный случай.

Тобою ранен я насквозь,
Ты так меня ждала, любила...
Мне кажется: земная ось
Одним ударом нас пробила.

Друг другу кажемся пустыми,
Любовь утратила полёт...
Неужто мы с тобой застыли
И превратили чувства в лёд?

Давай уедем на болота,
Где рухнул в омуты закат,
Где отыскать себя охота,
Идя по жизни наугад.

Давай посмотрим диких уток,
Давай увидим их полёт
На сломе уходящих суток...
Неужто в небе тоже — лёд?

И потому, взлетая, утка
Не может этот лёд пробить...
Их, не взлетевших, видеть жутко,
И невозможно пособить.

Неужто — лёд душе потребен
И небу?! Холод, не балуй!
А может, лёд в душе и в небе
Пробьёт наш жаркий поцелуй?!

● ● ●
Я—искуситель-змей! И я тебя пытаю,
И я тебя в ночах пытаюсь усмирить.
Да, я—крылатый змей, я над тобой летаю,
Божественную суть намерившись открыть.

Я падаю на дно непревзойдённой страсти
И тут же ввысь лечу—зови меня, зови!
В разломах жизни мы разорваны на части,
Но в целое—в одно!—срастаемся в любви.

Пластинка

1.

Пластинка моя, как судьба, долговечная.
Пластинка моя—вечеринка моя.
Вдруг ты появилась—как жизнь, быстротечная,
Упавшая с неба, чтоб высмотрел я

Живые глаза, в коих огонь вылетающий
Сжигает дотла, призывает любить.
Я, жизнью избитый и сердцем не тающий,
Не смог ни пластинки, ни глаз позабыть.

Пластинка, будь нежной и долгоиграющей,
Как в юности жизнь, что нельзя покарать...
Мне в жизни греметь.

Жизнь беспечная та ещё,
Где мне веселиться, в любви угорать.

Пластинка из детства пропавшего катится,
Где летнего запаха пряный настой.
Там песни и боль, там желаний сумятица,
Там солнца пластинка и сон золотой.

2.

Пластинка, пластинка. Звучали то Глинка,
То Григ, то Вивальди, Утёсова хрип.
Но в тёмной ночи разрывалась пластинка,
И дыбилось время, как атомный гриб.

Я время царапал в скучающем классе,
Крутилась земля, просыпалась семья
И пела: «Давно не бывал я в Донбассе»,—
Хрипела: «Гянуло в родные края...»

И первые рифмы сквозили так рано,
В ночи учащённо дышала земля...
Пахнуло горячей резиной с Майдана,
Жабрей, как татарин, стремился в поля.

Что стало с Донбассом, скажи мне, пластинка?
На съезд верлибристов я ездил в Донецк,
А нынче другая предстала картинка:
Там бомбы и танки. Неужто конец

Тебе, моё доброе воспоминанье,
Тебе, мой усталый и верный Донбасс?
И где ты, из детства живое дыханье?
И где ты, пропавший во времени класс?

3.

Пластинки не стало, и поля не стало,
Качаются в небе стихи и цветы...
И льются дожди... Кто-то скажет устало:
— Ты пишешь ещё, и влюбляешься ты?!

Мне верится, что возродится пластинка,
Могучий Утёсов взойдёт, как утёс...
И ласковый колос взойдёт из суглинка,
И явится Родина та, что я нёс

На сердце и в сердце с любовью, тревогой,
Какие в себя ещё в детстве вобрал...
Просторы земли были верной подмогой,
Чтоб свет нашей Родины не умирал...

У края судьбы появилась тычинка
И стала цвести. Это ты или я?!
Но чу! Некий звук... Зазвучала «Калинка»...
Вернулась пропавшая даль бытия...

Запели Шульженко и поздний Вертинский,
И, вздрогнув, ожили родные края.
И крикнула ты:— Прикатилась пластинка!
Пластинка твоя— журавлинка твоя...

● ● ●
Я знаю, я чувствую, вижу:

Эпоха сжимается вновь.
Я время набухшее выжал—
И брызнула алая кровь.

Я где-то во времени долгом
Свой путь, свою долю искал...
Я пел, как Некрасов, на Волге,
Как Чехов—смотрелся в Байкал.

Но время меня торопило,
Пыталось железом меня,
На знойном ветру прокалило,
Вдохнув в меня силу огня.

Во мне первородно, глубоко
Любовь трепетала моя...
И страждущим, веющим оком
Искал я таких же, как я.

...Светило лицо молодое,
Горя вдохновенным огнём...
И солнце вставало гнедое,
И я становился конём—

Тем самым, отчаянным, красным,
Которого мальчик купал...
Ты реяла девой опасной
Среди купидонов и скал.

Взрывались в Нью-Йорке высотки,
В ночи колебалась земля...
Коня рисовал Петров-Водкин,
И тот уносился в поля.

● ● ●
Мир тяжёлый вокруг, он и новый, и древний,
От орудий глубокие в нём колеи.
А я снова во сне навещаю деревню,
Крутояры мои, глухомани мои.

Светит грустная даль, и угрюмится осень,
По откосам дорог конский щавель стоит.
Терпкость прошлого дня
тёплый воздух приносит
И щемящую боль в птичьих криках таит.

Запахнула печаль до китайской границы
Пустоту одичавших и жухлых полей.
Снится им или нет золотая пшеница,
Молодых колосков сладкий запах и клей?

Но лежит пустота целиной поднебесной,
И молчит пустота над деревней моей,
Обернулась земля нескончаемой бездной,
И не стало в России лугов и полей.

Мне охота кричать, чтобы лоно земное
Стало жить и рожать, пить дожди и ручьи.
Слышу—стонут во тьме, убегая за мною,
Крутояры мои, глухомани мои...

● ● ●
Мы разные, мы разные, мы разные.
Мы—серые, мы—белые, мы—красные.
В Гражданскую мы были рысаклами,
Но только никуда не прискакали.

Война, как Молох века, полыхнула,
Навстречу нас друг другу развернула.
Достали мы винтовки и наганы,
Друг другу стали вечными врагами.

Мы разные, мы—чистые, заразные.
Мы—белые, зелёные и красные.
Как раньше мы друг друга окрыляли!
А нынче мы друг друга расстреляли!

Заботливо мы целились друг в друга,
Чтоб сбиться в центре солнечного круга.
Мы все убиты, но теперь мы—солнце,
У каждого на солнце есть оконце,

Откуда мы на грешный мир взираем
И никогда на солнце не сгораем.
Здесь нет зелёных, красных нет и белых,
Замёрзших нет и нет заиндевелых.

В одежде мы не ходим арестантской,
Мы все убиты на войне Гражданской...
Себя и вас мы вовсе не забыли.
Тогда зачем друг друга мы убили?

Елабуга

*В бумагу кровью вляпано:
«Трагически погибла...»
Елабуга... Елабуга—
Маринина могила.*

Михаил Успенский

1.

Ты сбита влёт, ты влёт убита,
Гнездо над Родиною свито,
Но нет Отчизны, нет гнезда,
И ты до Страшного суда

Дошла в любви непостижимой
К России, к дочери любимой
И к сыну—посреди невзгод...
...Но грянул сорок первый год...

2.

И словно выдохлась Марина,
В душе означился исход...
Врагов и близких не корила,
Взошла на шаткий эшафот...

Простилась с миром и с кумиром
(Сын был кумиром для неё).
Маринин крик стоит над миром:
«Родное дитячко моё...»

3.

Я был в Елабуге, Марина,
Я видел чёрный смертный гвоздь.
Твой сын погиб... Он пулю принял,
Над ним горит рябины гроздь...

Ты пала раньше—в сорок первом—
В бою неравном, как в бреду.
...Я по Елабуге, по нервам,
Как будто по гвоздям, иду.

● ● ●
Молчит сосна, молчит осина,
У леса—обнажённый вид.
И за околицей рябина
Багряной ягодой кровит.

Но всё ещё восходит ярко
Сноп поднебесного огня,
И ярко-красная боярка
Иглой впивается в меня.

Спешу за осенью из лета,
Лечу вперёд или назад.
Как выстрелы из арбалета—
За мною ласточки летят.